

Геннадий МУРЗИН

**ДЕТИ И
РОЖДЕСТВО**

*(Сборник
святочных рассказов)*

Р 326кв 58

Геннадий Мурзин

Дети и Рождество. Сборник святочных рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40942859

ISBN 9785449635464

Аннотация

Для православного человека (от мала до велика) Рождество – это один из самых почитаемых праздников. Его встречают широко и вольно, ему особенно рады дети, которые с Рождеством связывают чудесные надежды. Святочные истории, включенные писателем в этот сборник, имеют позитивное разрешение, призывают к добру, несут счастье в каждую семью и являют собой продолжение старых русских традиций.

Содержание

КАЛАЧ	6
1	8
2	14
3	21
СЕРДЦА ТРЕХ	25
1	27
2	30
3	34
4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дети и Рождество

Сборник святочных рассказов

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин

Фотограф Геннадий Мурзин

Фотограф Сергей Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2019

© Геннадий Мурзин, фотографии, 2019

© Сергей Мурзин, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-3546-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Севастополь. Геннадий Иванович Мурзин, писатель и журналист. Автор двадцати пяти изданных литературно-художественных произведений. Фото 2017 года.

КАЛАЧ

*Деревенский мальчуган Сенька
Водозов в свои лета этукую
красоту не мог и во сне увидеть.*

1

К нему приехал гость.¹ Гость на Рождество. Гость желанный. Гость редкий, потому что дальний и, возможно, поэтому самый дорогой. Это – десятилетний Александр, внук.

С порога, не успев притворить дверь, парнишка бросается на шею, обвивает худенькими ручонками и, повиснув, восторженно кричит:

– Поздравляю, дедуль! – ребенок целует деда в обе щеки, отпускает руки и оказывается на полу.

– У, – разглаживая вихры внука, восхищается дед, – как здорово вырос... Выше меня скоро будешь. И... тяжеленный такой...

– А мама говорит, что я плохо ем, а потому медленно-медленно расту, – замечает внук.

Семен Александрович Водовозов, стараясь не ронять материнского авторитета в глазах мальчика, тщательно подбирая слова, замечает:

– Так... это... Ты на глазах у матери и ей потому кажется, что ты не так подаешься вверх, как бы ей хотелось... Мужчина должен быть такой, – он поднимает сухонькую и смор-

¹ Впервые был опубликован в коллективном литературном сборнике современных святочных рассказов «ПОКАЖИ МНЕ ЗВЕЗДУ», изданном под эгидой издательского Совета Русской православной Церкви в 2005 году (*примечание автора*).

ценную ладонь над своей головой.

Внук спрашивает:

– До самого-самого потолка, да?

– Почти, – соглашается Семен Александрович. И добавляет. – Но для этого надо сытно есть.

Внук, заглядывая в голубые, но с годами изрядно выцветшие, глаза деда, спрашивает:

– Ты, значит, не слушался своей мамы и тоже плохо ел?

– С чего ты взял?

– Ты, вон, сколько не дотянул до потолка.

– У меня – другая история...

– Какая, дедуль? – перебивая, снова спрашивает парнишка.

– Ну, – Семен Александрович без всякой охоты отвечает, – время тогда, когда мне было столько же, как тебе, – трудное... Даже ржаной хлеб и тот не досыта... Всё больше на картохе рос, а с нее много не вырастешь... Разве что пузо...

Внук заливается в звонком хохоте. Внуку слово «пузо» понравилось. Дед же хмурится и сердито машет рукой.

– Ладно... Не будем об этом... Пойдем в гостиную, пока твоя мама возится на кухне.

...Семен Александрович одинок. Не заладилось у него с женским полом. Трижды пробовал создать добротную семью, но всякий раз неудачно. В четвертый раз решил не жениться, чтобы больше не испытывать судьбу. К тому же с го-

дами возникла еще одна проблема, о которой он никому не говорит: чем сам старше становится, тем ему моложе и краше женщину подавай. А кто ж на такого старого гриба из молодых нынче смотреть станет? Если бы при больших деньгах был, то... У него же бабок, так вожделенных для всякой молодой женщины, – кот наплакал. Так что...

Дед и внук уходят в гостиную и располагаются на диване, бок к боку: Санька так захотел... Чтобы, говорит, было чувство локтя. И откуда только взял? Вычитал, наверное, в книжке какой-нибудь. Тут в деда пошел: тянется к книгам.

Неожиданно внук срывается с места и летит в прихожую. Там чем-то шуршит. Прибегает. В руках свернутый пополам большой лист ватмана. Он протягивает.

– Мой рождественский подарок, дедуль. Тебе, дедуль.

Семен Александрович осторожно принимает подарок, целует внука и начинает рассматривать. На лицевой стороне сверху вниз, по диагонали из нарисованных мелких-мелких разноцветных снежинок образована надпись. Он вслух читает:

– Любимому деду – от любящего внука Саньки.

Семен Александрович не скрывает восхищения.

– Красиво-то как!

Внук гордо замечает:

– Сам рисовал... Три дня рисовал...

– Спасибо, Сань. Порадовал меня.

Внук торопит деда:

– Ты разверни, разверни! Там такое!..

Семен Александрович осторожно разворачивает, а на всем развороте – картина нарисована. Внук смотрит не на картину свою, а на лицо деда, чтобы не пропустить реакции. Он даже, кажется, и дышать перестал. Ждет!

На картине – трехэтажный кирпичный домина, перед ним – ковер-лужайка, за домом – цветущие вишни и большой огород с грядками. На высоком крыльце, перед домом, сидит, пригорюнившись, старичок, видимо, кого-то поджидая.

Внук тычет пальцем в старичка.

– Узнаешь?

– Так... – Дед будто внимательно вглядывается. – Дай-ка, милый разглядеть. – Потом всплёскивает руками. – Неужто я?! – притворно восклицает Семен Александрович.

– Разве не похож?

– Похож, даже очень похож... С трудом верится, что ты и... Не кого-то там, а меня усадил на крыльцо такого богатящего дворца... Неужто мой?!

– Ясное дело, дедуль! А то чей же?

– Спасибо, Сань, за такой царский подарок.

Парнишка, притворившись равнодушным, заметил:

– Ничего особенного... Так... мазня всякая...

– Сань, зачем ты так говоришь? Никакая и не «мазня», а талантливо написанная картина. На выставку ее надо отдать.

– А мама говорит, что слишком торопился, что мог бы и лучше нарисовать...

– Мама? Ну, Сашок, мама – всегда права. Мама твоя, наверное, хочет, чтобы ты еще красивее рисовал.

– Дедуль, – внук еще теснее приник к Семену Александровичу, – а ты очень любишь подарки?

– Люблю.

– Очень-очень?

– Подобные тому, какой ты сегодня мне подарил, – очень-очень.

Внук вздохнул.

– Я – тоже.

– Для тебя я тоже приготовил подарок, Сань.

Семен Александрович хотел встать, собираясь принести подарок внуку, но тот остановил, догадавшись о его намерении.

– Потом... за столом... Перед первой рюмкой...

По лицу деда пробежала улыбка.

– Что, и даже рюмка будет?

– Мама говорит, что будет.

– Если так, то основные торжества отнесем на потом.

– Ну, конечно, – кивнув, согласился внук. Помолчав, спросил. – Дедуль, а тебе, когда ты тоже был маленький, подарки дарили?

– Нет, – ответил Семен Александрович и по непонятной для внука причине тяжело вздохнул. Потом все же попра-

вился. – Почти не дарили.

– Ну... вот! Дарили же! – Восклицает внук.

– Очень редко, но дарили.

– И ты радовался?

– А как, Сань, без радости-то?

– А самый-пресамый первый подарок помнишь?

– Ну, конечно, Сань, помню. Как не помнить-то...

– Расскажи, а?

– Долгонько придется рассказывать... Может, потом, ближе к вечеру?

– Лучше, если сейчас, дедуль... А то потом я забуду.

Семен Александрович снова тяжело вздыхает.

– Слушай, Сань...

И Семен Александрович начал рассказ.

2

– Канун Нового, одна тысяча девятьсот пятидесятого...

Господи, сколько же лет пробежало?..

Внук спешит с ответом. В уме он уже подсчитал.

– Пятьдесят четыре года.

Дед, кивнув, соглашается.

– В деревенской школе – кутерьма...

– Дедуль, – внук удивленно смотрит в глаза, – а что такое «кутерьма»?

Семен Александрович смущенно поправляет на затылке редкие волосы и пытается объяснить.

– Так это... Когда много народу и все суетливо бегают из угла в угол, кричат.

– А-а-а, – тянет внук, – понятно.

– Кутерьма мне, первоклашке, страшно нравится. Особенно нравится тем, что учительница Анна Ивановна то и дело кричит через всю комнату: Семен, сделай то; Семен, сделай другое. Пулей лечу, куда сказано; охотно делаю, что велено. А все мы занимаемся тем, что украшаем новогоднюю елку: мальчишки – развешивают украшения, а девчонки, как самые умелые по этой части, – делают разные бумажные игрушки, фонарики, например, или хлопушки, или гирлянды. Делают из старых газет.

Внуку смешно и он прыскает.

– Дедуль, что же это за игрушки? Фигня какая-то.

– Для тебя, может, и фигня, но для меня тогда... Раскрашивают, одним словом, бумажные фонарики чернилами или цветными мелками. Склеивают вареной картошкой.

– Вареной картошкой? Как это? – И того больше удивляется внук.

– Клея, Сань, во всей школе днем с огнем было не сыскать... Так и выходили из положения... Трудно было со звездой. Сам понимаешь, как без нее?

Внук высказывает свое мнение:

– Пошли в магазин и купили.

– Скажешь! В деревенском магазине тогда, кроме спичек да керосину, – шаром покати.

Внук хохочет.

– «Шаром покати» – как это?

– Это означает, что в магазине – пустые полки, то есть без всякого товару... Сколько не высматривай... Тогда так было... Вот... Звезду на макушку вырезали, значит, из картона, а для раскрашивания Анна Ивановна, наша учительница, разрешает воспользоваться малиновыми чернилами. Ну, теми самыми, которыми она нам ставит в тетрадках двойки и записывает замечания.

Внук опять заливается.

– Дедуль, и тебе ставила двойки?!

– Врать не стану, Сань: бывало.

– А мама говорит, что у тебя в аттестате одни пятерки.

– Ну, Сань, это не совсем так... Мама твоя чуть-чуть приукрасила... В аттестате есть и четверки.

Парнишка качает головой.

– Все равно здоровски!.. Даже суперски!

– Да... Верх моего блаженства – сам новогодний вечер.

В классной комнате, откуда парты вытащены на улицу, полно народа. Это – многочисленные родственники детей-учащихся. Моих – нет. Никого. Как всегда. Моих и на родительское-то собрание не удалось ни разу вытащить. Кажется, мне обидно. Но не слишком. Я упиваюсь всеобщим весельем. Я не могу отвести восторженных глаз от наряженной нами новогодней елки. Сказка! Наконец, Дед Мороз (Анна Ивановна, учительница наша, в вывернутом наизнанку овчинном полушубке и с огромной серой бородищей из кудели)...

– Дедуль, а что такое «кудели»?

– Кудель, внук, – это похожее на вату... Выращивают сначала лен. Потом он вылѣживается на солнце и на морозце. Потом лен мнут, вычесывают и получают кудель, из которой делают пряжу или вяют канаты. Кстати, канаты используются в морском деле. Получаются очень крепкие.

– По-нят-но, – протягивает парень. – Увидеть бы эти «кудели».

– Где там! Нынче лен-то не выращивают.

Внук трясет за рукав деда.

– Дальше, дальше-то что было?

– Итак, Дед Мороз объявляет, стукнув грозно о пол посо-

ХОМ:

– Ну-с, дети мои, кто хочет получить мой специальный подарок?

– Я! Я! Я! – несутся многочисленные голоса со стороны сгрудившихся стайкой учеников. – Желающих много. Но меня среди них нет. Я стою, опустив вниз голову. Нет, не то, чтобы я не хотел получить подарок. Хотел бы, очень! Но мне кажется, что подарки просто так не раздаются: их надо заслужить.

– Тогда, – продолжает басить Дед Мороз, – расскажите-ка мне стихотворение!

– На этот раз желающих изрядно поубавилось. Но зато – среди них и я. И хотя мой голос звучит громче всех, но первой выступить, открыть конкурс Дед Мороз позволяет Наташке (соседская девчонка, противная ужасно, потому что подлиза, потому что подлизывается к Анне Ивановне, а еще ябедничает).

Внук согласно кивает головой и рассудительно говорит:

– Они – все такие. В нашем классе Светка...

– Ну, Сань, может, и не все, но встречаются... Да и к тому же вряд ли я был тогда справедлив... И вот... Наташка выходит вперед. И, шмыгая носом, постоянно запинаясь, кричит:

*– Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик.*

*Тише, Танечка, не плачь —
Не утонет в речке мяч.*

– Аплодисменты артистке. Особенно усердствуют и бьют в ладоши (это я вижу) Наташкины родители. После Наташки мямлит что-то свое Пашка. Он хоть и друг, но мне за него приходится краснеть. Я тоже готов. Меня явно не замечают. Но я упрямо заявляю о себе. И вот, когда выступило пять или шесть школьников, ко мне подходит Дед Мороз.

– А ты, мальчик, что можешь рассказать? Вижу, давно рвешься. Ну, слушаю.

– Я вырываюсь вперед. Я бесконечно счастлив, что вот, теперь и на меня смотрят люди; что теперь и меня будет слушать вся деревня. Волнуюсь. Мну обшлага ситцевой рубашонки.

– Ситцевая, дедуль? А это какая такая?

– Из самой дешевой ткани, из ситца, значит, Сань. – Старик, шумно вздохнув, продолжает рассказ:

– Начал читать стих...

*И живет в колхозе дед
В девяносто восемь лет.
Бодрый он имеет вид
И в работе деловит...*

Краем уха слышу, как кто-то из гостей новогоднего праздника комментирует:

– Ишь, ты! Стар, а все робит...

– Дедуль, а что такое «робит»?

– Колхозники на Урале тогда так говорили: робит – значит работает.

Внук кивает, давая деду понять, что теперь ему все ясно.

Дед вновь берется за рассказ:

– Я же с прежним усердием продолжаю:

Годы деду не преграда,

У него своя бригада.

И выходят с дедом в ряд

Тридцать пять его вичат.

Все тот же зрительский голос:

– Ух, ты! Надо же! Дед – молодец! Мальчуган – тоже! Вона, как лихо шпарит!

– Зрительская ремарка лишь прибавляет мне энтузиазма.

Внук снова спрашивает:

– А что такое «ремарка»?

– Это, внук, проще говоря, замечание по какому-либо поводу... Так-то вот... Ладони, значит, вспотели. От волнения. Потому что наступает, можно сказать, самое главное и самое трудное для меня: я должен перечислить все имена. А это вам не «наша Таня громко плачет»... Посложнее будет. Попробуй-ка, упомни тридцать пять имен. И не абы как, а чтобы складно. Собираюсь с духом и продолжаю. Вот и последние имена:

*Клава, Люба, Настя, Даша,
Катя, Оля, Зина, Маша,
Света, Нина, Лида, Валя,
Аня, Таня, Вера, Галя,
Клим, Игнат, Ефим, Андрей,
Виктор, Игорь и Евсей.*

Я делаю паузу. С шумом выдыхаю воздух. И готовлюсь к следующему этапу: как-никак, а предстоит повторить все тридцать пять имен и в том же порядке еще трижды. Так в стихотворении. Поэтому не имею права на ошибку.

– Ух, ты! – комментирует внук и теснее жметесь к деду. – Здоровски!

– Все, Сань, заканчивается благополучно. Я радуюсь: без запиночки! Сначала тишина, но вскоре же в классной комнате – буря аплодисментов. Мужики от восхищения громко топают ногами. Кто-то из них громко восклицает:

– Совсем малявка, а такое учудил!.. Это ж, надо, а! Тридцать пять имен упомянул... И так все складно-складно!

3

– Дед Мороз, значит, кладет на мои жесткие, а потому непокорные, вихры мягкую и теплую ладонь. И спрашивает: «Ты чей, мальчик, будешь?»

– Агронома сын, – охотно и с достоинством отвечаю я.

«А фамилия твоя?»

– Водовозов.

– А имя есть?

Вот какой вредный, думаю про себя, этот Дед Мороз. Однако вслух отвечаю:

– Семен, дедушка.

– Семен? – переспрашивает Дед Мороз.

– Да, – все также с достоинством отвечаю я. – А пацаны в деревне меня, дедушка, Сенькой еще называют.

– Спасибо тебе, мальчик, за такое трудное, но прекрасное стихотворение.

Дед Мороз наклоняется и целует в щеку. Ах, до чего ж мне был приятен тот поцелуй, Сань! Мое детство проходило без поцелуев.

– Совсем-совсем?

– Увы, Сань... Итак, Дед Мороз выпрямляется и, обращаясь ко всем присутствующим, развязывая свой мешок, говорит:

– Да, все мои маленькие артисты заслуживают подарка.

Но я думаю, дети, что главный приз всё же заслужил ученик первого класса...

– Дед Мороз достает из своего волшебного мешка огромный-преогромный калач, протягивает мне, и буря аплодисментов. Мне так тогда показалось, что потолок от аплодисментов может обрушиться. Я беру калач, прижимаю крепко-крепко к груди, мне хочется расплакаться, но изо всех сил креплюсь. Я пытаюсь что-то сказать, но у меня ничего не получается. С трудом и очень тихо выдавливаю: «Спасибичко, дедушка... родной мой... миленький...» Я срываюсь с места и убегаю в коридор. В глазах – слезы. Слезы счастья. В эту минуту я хочу быть один.

Внук гладит мягкой и теплой ладошкой по седым волосам деда. Внук тихо спрашивает:

– Калач, наверное, был очень-очень вкусный, да? На меду, да? Обсыпанный сахаром или шоколадом, да?

Семен Александрович кивает.

– Вкуснее, Сань, не бывает... Этот калач пекла сама учительница из ржаной муки, напополам с отрубями, выделенной по такому случаю колхозом. Это был необыкновенный калач! М-м-м, до чего ж был вкусный! Был бы еще вкуснее, если бы Анна Ивановна для теста нашла хоть чуть-чуть соли.

Внук не понимает. Он переспрашивает:

– Соли?! Калач совсем-совсем без соли?!

– Это я потом узнаю, что такое соль в 1949-м. Ее, соли, не оказалось ни в колхозе, ни у самой Анны Ивановны. Соль

была еще большим дефицитом, чем ржаная мука... Съели призовой калач мы всем классом...

Внук возмущенно восклицает:

– Это нечестно! Подарок чей? Твой! Кто заслужил? Ты, дедуль! Причем тут класс?

Семен Александрович улыбается.

– Во-первых, Сань, в моем, первом классе-то было всего восемь человек.

– Так мало? Классно!.. В моем классе – тридцать восемь.

– Ты живешь в большом городе... Деревня маленькая...

Во-вторых, калач был преогромный...

– Вот такой? – внук описал вытянутыми вперед руками в воздухе круг.

– Примерно... В третьих, Сань... Разве ты с товарищами никогда не делишься?

Парнишка опустил вниз глаза.

– Ну... Это... Бывает, что жалко, но... делюсь...

Внук продолжает гладить деда по голове. Потом тянется к его уху и шепчет:

– Дедуль, а, знаешь, какой тебе мама подарок приготовила?

Семен Александрович отрицательно мотает седой головой и ухмыляется.

– Откуда мне знать-то?

Внук оглядывается по сторонам и еще тише выдает деду секрет:

– Рубашку! Знаешь, какая она красивая? Не ситцевая, дедуль, а супер! Я помогал выбирать! – Санька прикладывает к своим губам палец. – Но – тихо. Мама не велела говорить.

– Молчу-молчу, внук.

И оба громко-громко хохочут.

В гостиную заглядывает Клавдия Семеновна, дочь Водозова.

– Что происходит? – притворившись сердитой, хмурясь, спрашивает она.

Санька вскакивает.

– Мам, ты иди-иди, – выпроваживая, солидно добавляет. – У нас – мужские секреты.

СЕРДЦА ТРЕХ

Последнее время Иван Христофорович Зяблицев отшельничествует: год тому минуло, как простился с единственным ему близким человеком, – Дарьюшкой, женошкой, значит. В момент Дарьюшку скрутило: врачи сказали, что рак желудка. Отмучилась, оставив сей бренный мир на попечение его, Ивана Христофоровича.

А дети? Неужто Господь не сподобил? Где-то есть. Далеко. Сами по себе. Пару строк лень черкнуть. Брякнут по телефону раз в году, на день его именин – это тот максимум, на который отваживаются сын и дочка. Так что... Отрезанные ломтики... Теперь им родитель только обуза.

А когда-то... Эх, как любил Иван Христофорович своих деток! Надышаться не мог. Пылинки с каждого сдувал. Думал, что на любовь любовью ответят после. Не получилось. Как-то незаметно очерствели. Покуда он работал и от работы имел кое-что, то наезжали.

Бывало, явится Мишаня, сынок, про здоровье и самочувствие любопытствует, а у самого глазки бегучие такие, бегучие – всё в сторону да в сторону: не желает, получается, на родителя-то глядеть. А уже через час...

– Слышь-ка, батя, как у тебя с этими?.. – спрашивает и три пальца друг об друга трет. Иван Христофорович понимает, об чем речь, но притворяется, будто невдомек ему. – Ну, –

мнется сын, видать, совесть-то еще не вся утеряна, – я насчет «мани-мани»...

Иван Христофорович, прищурив левый глаз и почесывая в затылке, отвечает:

– «Мани-мани» – шиш в кармане...

– Может, как-нибудь по амбарам пометешь да по сусекам поскребешь? – стоит на своем сынок.

– Туго, да? – с еле скрываемой язвинкой интересуется

Иван Христофорович. – Приспичило шибко?

– Очень надо... Молодые, сам понимаешь...

– Что молодые – понимаю, а что... Старики святым духом живут, да? Им ничего не надо, да? – Иван Христофорович обидчиво отводит взгляд в сторону, сведя к переносице длинные седые брови, демонстрируя тем самым свое недовольство.

– Хоть чуть-чуть, а? – настаивает Мишаня.

– «Чуть-чуть» – это сколько же по-вашему будет?

– Ну... там... тычонок пять...

– Что так мало? – всё также язвит Иван Христофорович.

Он встает. Ворчит себе под нос:

– Хватил... Ничего себе, «чуть-чуть»... Не Сбербанк же...

Поворчит, поворчит Иван Христофорович, но даст; конечно, не стопроцентно удовлетворит запросы любимого сынули.

Три года назад как обрезало: не стал объявляться Ми-

шания его. Ясное дело: Иван Христофорович вышел на пенсию, а с российского пенсионера, известное дело, что взять-то? В кармане-то его вошь на аркане да блоха на цепи. Есть у него «гробовые», но к ним – ни-ни! Никому не даст притронуться. Умрет – тогда дело другое. Не может он допустить, чтобы как с его отцом... Христофор Саввович проехал на танке Т-34 от Москвы и до Берлина, а оттуда командование бросило на помощь восставшей Праге, где (девятого мая это случилось) его так жажнули, что одиннадцать месяцев провалялся в госпиталях. Пятнадцать лет назад умер. Иван Христофорович примчался на похороны отца. И что он увидел? Инвалида войны первой группы в гроб не в чем положить, а на поминки та власть выделила одну полуощипанную и небесной синевы курицу да две бутылки водки. Нет, не выделила, а дозволила купить. На свои, ясно, кровные.

Та власть плоха. А эта? Разве чем-то отличается? Нет, сулит также «золотые горы и реки полные вина». Наверное, по старой привычке. Власть только по форме иная, а по сути – та же, что и прежде. На ее посулы Иван Христофорович не рассчитывает. Твои, считает он, похороны (ясно, он пока туда не собирается, но кто знает, когда придет за ним костлявая бабулька с косой?) – твои заботы. Иначе... Он и в гроб не ляжет. Позорище!..

2

Сегодня у Ивана Христофоровича день особенный. Особенный тем, что он с охотой идет в люди. Отчего так? Великий день – Рождество... Родился младенец Иисус... Славит православный люд... Грех и ему в такой-то денек отшельничать. На люди надо, на люди.

Он с утра наряжается и вертится у зеркала, что в прихожей. На нем уже шелковая белоснежная рубашка и галстук (узел завязан по-старому, то есть невелик и аккуратен) с голубыми полосками наискосок. Надевает свой лучший и любимый костюм из темно-синего велюра, который вынимает из шкафа очень и очень редко. Бережет: он хочет и в гробу в нем лежать. Снимает с плечиков меховую кожаную куртку, внимательно осматривает (не покушала ли моль?), натягивает, застегивает «молнию». Вынимает также бережно хранимую, будто реликвию какую-то, пыжиковую шапку: она – его настоящая гордость. При большевистской власти смотрел с тихой завистью на тех, кто мог достать такую шапку и носить. Он – не мог. И не потому, что не мог купить. Нет, купить он мог, но не мог достать. Тогда между словами «*купить*» и «*достать*» дистанция была величайшая. Кто-то, а Иван Христофорович хорошо знает. Поэтому с уходом «*тех*» и с приходом «*этих*» первое, на что потратился, – пыжиковая новёхонькая шапка. Дорого, но за удовольствия на-

до платить. А что? И он вправе на старости лет пофорсить.

Он выходит на улицу. Морозец. Слабый для коренного уральца: не больше пятнадцати градусов. Тихо. Под подошвами кожаных ботинок снег приятно похрустывает. Солнце светит, и в его лучах проскальзывают мелкие снежные блёстки. Народ симпатичный встречается: с улыбками на лицах.

Он идет своим путём. Раньше – ходил с Дарьюшкой. Сегодня – один-одинешенек. Небольшая грусть одолевает, но ничего... В этот день грех грустить... Он должен радоваться... Праздник-то такой светлый, такой светлый...

Он путь держит на главную новогоднюю ёлку города. Пять трамвайных остановок, но из принципа идет сегодня пешком, идет, не торопясь. В такой день спешить нельзя... Также грех...

Иван Христофорович видел по телевизору новогоднюю ёлку. Но ему в день Рождества хочется всё благолепие увидеть своими глазами. Новогодний городок нынче сооружен на темы сказок Пушкина. В копеечку, сказывают, влетело строительство. Но это тот единственный случай, когда Иван Христофорович организаторов не осуждает: траты стоят того, красота требует жертв... Да и красота эта не для кучки богатеньких, а для каждого горожанина, в том числе и для него, простого российского пенсионера.

За шестьдесят, а идет твердо, держится бодро. И всем улыбается.

Вот и главная городская площадь.

Иван Христофорович непроизвольно хмыкает, вспомнив нынешнее название площади. До большевиков площадь православное имя носила, а сейчас... В другой день он бы поворчал по этому поводу, но сегодня нельзя... Опять же грех.

Он прошел за ледяные и узорчатые крепостные стены городка и оказался в сказочном мире. В центре – огромная новогодняя ёлка, сверкающая огнями, а поодаль – еще несколько её сестричек. Там, слева – ледяные дядька Черномор и тридцать витязей прекрасных. Справа – спящая царевна и семеро братьев-богатырей, оберегающих её сон. Чуть дальше – высокая крепостная башня и на игле шпиля уместился золотой петушок. Он взмахивает крыльями и кричит: «Ку-ка-ре-ку! Царствуй лежа на боку!»

Народу толчется много, но все веселые. Пользуются аттракционами, сделанными под русскую старину. Слышны восторженные визги-писки детишек. Для них, ясное дело, – великая благодать.

Иван Христофорович аккуратно протискивается в огромной толпе. Он смотрит и радуется вместе со всеми. Лицо покраснелось: то ли от удовольствия, то ли от морозца.

Дольше всего задерживается возле царского терема. В него с одной стороны по широкому и высокому крыльцу взбегают стайки детишек, на секунду скрываются внутри, а с другой стороны, визжа и безудержно хохоча, скатываются по ледяной горке вниз.

Ивану Христофоровичу безумно самому захотелось ска-

титься с такой горки. Так сказать, ощутить детство. Он даже направился к кассе, чтобы купить билет, но опомнился: шестьдесят с гаком и не пристало ребячиться. Что ни говори, а всему свое время.

Иван Христофорович вздохнул и остался простым зрителем.

3

И тут в метре от него, протиснувшись сквозь толпу, оказались мальчик и девочка. Они заворожено смотрели на катающихся сверстников и шумно вздыхали, вытирая то и дело носы рукавами стареньких пальтишек.

Намётанный глаз Ивана Христофоровича сразу определил: интернатовские, значит, ничейные, чужие. Его почему-то особенно поразили скособоченные и сильно стоптанные каблуки детских ботиночек. Скорее всего, надеты чуть ли не на босу ногу. Потому что ребятишки все время перетаптываются: ножонки, видать, мерзнут. Но зрелище чужого счастья настолько притягательно, что никакой мороз им не помеха.

Они перешептываются. Глядя искоса на детишек, Иван Христофорович определяет: брат и сестра. Сильно похожи. У него мелькает в голове: «Какая трагедия занесла их в интернат?»

Незаметно Иван Христофорович оказывается бок о бок с детьми. Через пару минут спрашивает:

– Как вас, дети, зовут-то?

Мальчишка, наверное, погодок, посмотрел на него, смерил с ног до головы, задержавшись дольше всего на лице. Кажется, остался доволен. Шмыгнув носом, ответил:

– Её, – он легонько ткнул в бок девочку, – Марией зовут...

Сестра, а меня Серым... Значит, Серегой.

– А вы, я вижу, без родителей.

Парнишка кивнул.

– Без них.

– Умерли?

– Живы... Будто бы... Бросили с сестренкой... Алкаши, будто бы... – по-взрослому отвечает парнишка. – Мы – интернатовские.

– Это я уже заметил, – сказал Иван Христофорович и грустно усмехнулся. И после паузы добавил. – Думаю, что приехали сюда без разрешения старших... Или я не прав?

Девочка, настороженно и подозрительно посмотрев на Ивана Христофоровича, спросила:

– Дяденька, вы – полицейский?

Иван Христофорович, увидев, что дети крепко взялись за руки, что худенькие тельца их напряжились, что дети готовы дать дёру, поспешил успокоить.

– Что ты, Машенька, – ласково сказал он, – я – не полицейский и никогда, слава Богу, им не был, – детское напряжение тотчас же спало, и они расслабились. – Однако убежать все равно нехорошо... без спросу...

Машенька опустила свои голубенькие и круглые глазки вниз. Она тихо сказала:

– Это – я... Очень-очень хотелось посмотреть... Серегу и уговорила сбегать... Он не хотел... Говорил, что бить будут...

– Девочка, что ты говоришь?! – лицо Ивана Христофоровича побледнело.

Брат незаметно дернул сестричку за рукав, давая той понять, чтобы держала язык за зубами.

– Сережа, – спросил он парня, – действительно, бьют?

Парнишка, нехотя, ответил:

– Бывает... Иногда...

Иван Христофорович испытал настоящий шок. Он за всю свою долгую жизнь детей своих пальцем не тронул. Впрочем, чужих – тем более. Прожив столько лет, он не мог себе даже представить, как можно поднимать руку на незащищенных, тем более, на таких обездоленных? Пусть и не ангелы, но бить...

Иван Христофорович несколько минут переваривал полученную информацию. Она сильно ранила его сердце, проникла глубокой болью в душу. Поэтому он молчал несколько минут. И лишь потом спросил:

– Хотите, дети, прокатиться с горки?

Их глаза одновременно, как по команде, уставились на Ивана Христофоровича. Их блестящие взоры не хотели верить в то, что услышали. Они, как по команде, опустили вниз глазенки.

Сергей, пожав плечиками и тяжело вздохнув, произнес еле слышно:

– Хорошо то было бы... Денег, дяденька, у нас нет.

– Ну, – Иван Христофорович полез в карман куртки, до-

стал портмоне, открыл и стал рыться, – я тоже не из богатых... Однако по случаю Рождества, думаю, найду для вас кое-что. Детские глазенки цепко следили за каждым его движением. Он достал сторублевую купюру и добавил. – Стойте здесь и ждите меня. Я – за билетами...

– Для нас?! – не веря в чудо, с придыханием спросил Сергей.

Иван Христофорович улыбнулся, и на щеках его заиграли озорные ямочки, появляющиеся лишь в минуты его самого хорошего расположения духа.

– Не для меня же, – ответил он и ушел.

Вернулся Иван Христофорович минут через пятнадцать. Видя, какое напряжение испытывают дети, развел руками и, оправдываясь, сказал:

– Очередь большая.

Оба личика засветились надеждой и радостным ожиданием.

– Дяденька, купили? – спросила Машенька.

– Ну, конечно, дети. Вот, – он протянул билеты, – по три каждому.

– По три?! Каждому? – думая, что ослышалась, в изумлении переспросила девочка.

– Какой сегодня праздник?

– Ну... Рождество, – не очень-то уверенно ответил Сергей.

– А Бог троицу любит. Так что... Бегом на катушку!

Дети кинулись к высокому крыльцу царского расписного терема. Но тут Сергей за рукав остановил сестренку.

– Дяденька, – он выразительно посмотрел на пальцецо сестры, – нам нельзя... А что, если порвем? Бить будут...

– Ах, да! Извините, дети: стар я и забыл... Идите-ка сюда. Сергей, вот деньги, сбегай вон туда, – Иван Христофорович рукой показал на избушку на курьих ножках, – возьми на прокат две подложки.

– А дадут?

– За деньги всё дадут. Беги!

Мальчик убежал. Девочка сильно-сильно прижалась к Ивану Христофоровичу.

– Вы... вы такой-такой хороший, – почти прошептала она.

Иван Христофорович сделал вид, что не расслышал.

Через несколько минут Сергей и Мария, толкаясь и суетясь, прорываются вперед. На них фыркают благовоспитанные детки: куда, мол, без очереди лезете? Где им понять, что эти двое не верят в свое счастье, свалившееся так неожиданно, что от нетерпения буквально сгорают. Да, те могут и подождать, но эти...

Иван Христофорович, прижавшись к барьеру, глядит на два самых счастливых лица, которые, схватившись за руки вместе, проносясь мимо него, скатываются вниз. Сергей от счастья хохочет, а Мария от удовольствия визжит. Первый раз. Второй. Третий.

Увы, но счастье скоротечно и не бывает вечным. Дети под-

ходят к Ивану Христофоровичу, прижимаются и благодарят.

Иван Христофорович давно сам не испытывал такой нежности, поэтому в уголках глаз появились слезинки. Он, напустив суровость, сказал:

– Сергей, поправь брюки, – парнишка наклонился и заправил штанины в ботинки. – Нам пора... – Иван Христофорович внимательно взгляделся в лица детей. – Наверное, голодны?

– Пропустили, – сказала огорченно Мария.

– Что вы «пропустили»? – спросил, насторожившись, Иван Христофорович.

– Обед, – пояснил Сергей.

Сестренка же добавила:

– И без ужина, наверное, оставят... За убёг...

– Ну, нет! – сердито воскликнул Иван Христофорович. – Этому не бывать! – он взял детей за руки и решительно повел к выходу из сказочного городка. А те и не упирались. Они поняли, что от этого «дяденьки» плохого ничего не будет. – Пообедаете у меня...

4

...Дети, осторожно переступив порог квартиры, остановились у дверей. Иван Христофорович, заметив детскую нерешительность, сказал:

– Быстро раздеваться и мыть руки! А я пока разогрею еду.

Через десять минут все сидели за столом в гостиной. Детей Иван Христофорович усадил на диван и придвинул к ним журнальный столик, а сам присел на стул. С борщом дети управились мгновенно (видимо, проголодались). Иван Христофорович сходил на кухню и принес им домашние котлеты с жареной картошкой на гарнир. И с этим блюдом у них не возникло проблем. Потом был чай с тортом и шоколадными конфетами. И снова упрашивать сильно не пришлось. Дети «молотили» все подряд.

Обед закончился. Бледные детские личики порозовели. Дети откинулись на спинку дивана. Глядя на украшенную ёлку, стоящую в углу комнаты, Маша спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.